

Леля

Шестнадцатый этаж

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лея

Шестнадцатый этаж

«Автор»

2026

Лея

Шестнадцатый этаж / Лея — «Автор», 2026

Стоя на краю крыши шестнадцатиэтажного дома, Ульяна была готова сдаться. В её жизни не осталось ни надежды, ни смысла — только бесконечное давление семьи и чувство собственной никчемности. Но случайный незнакомец, появившийся из ниоткуда, протянул ей руку и подарил шанс на новую жизнь. На следующее утро она видит его снова: он — знаменитый адвокат, гениальный и холодный Максим Бойков, который пришёл читать лекцию в её университет. Их встреча перерастает в ожесточенную борьбу, где страх, недоверие и вспыхнувшая страсть смешиваются в один опасный коктейль. Пытаясь спасти свою жизнь, Ульяна оказывается втянутой в вихрь лжи, где друг становится врагом, а любимый человек — главным обвинителем. Противостояние с самой судьбой, поиск правды и битва за своё место в мире приводят её к неожиданной развязке, которая перевернёт всё — и поставит под вопрос само понятие «счастья».

Лея

Шестнадцатый этаж

Пролог

Какая красивая погода...

Глава 1

Холодный октябрьский ветер на высоте шестнадцатого этажа вел себя как хозяин. Он бесцеремонно забирался под тонкую куртку Ульяны, трепал её спутанные волосы и шептал в самое ухо: «Ну же, сделай шаг. Это проще, чем кажется».

Ульяна стояла на самом краю бетонного парапета. Её кроссовки наполовину свисали над бездной. Внизу город расплывался в тумане: огни машин казались крошечными движущимися точками, а люди — и вовсе пылью. В её голове было так же пусто и серо, как в этом небе. Она чувствовала себя выжатым лимоном, пустым сосудом, в который жизнь больше не хотела вливать ни капли смысла.

— Знаешь, — раздался за спиной спокойный, глубокий голос, — отсюда открывается лучший вид на закат, но если смотреть на него стоя на двух ногах, он приносит больше удовольствия.

Ульяна вздрогнула. Сердце, которое секунду назад едва билось, болезненно ударилось о ребра. Она не оборачивалась, боясь потерять равновесие.

— Уходи, — хрипло выдохнула она. — Я не шучу.

— Я и не смеюсь, — ответил незнакомец.

Она услышала негромкие шаги по гравию крыши. Парень не бежал к ней, не кричал, не пытался схватить. Он просто подошел и встал в паре метров, облокотившись на ограждение, словно они просто встретились в кофейне.

Ульяна краем глаза посмотрела на него. Он был выше неё, в хорошо сидящем темном пальто, которое казалось слишком элегантным для этого грязного места. Его профиль был безупречным — волевой подбородок, прямой нос и глаза, в которых отражалось вечернее небо. В нем чувствовалась странная, почти пугающая уверенность.

— Ты думаешь, что там, внизу, всё закончится, — заговорил он снова, глядя вдаль, а не на неё. — Но на самом деле ты просто отдаешь им победу. Всем тем, кто сказал тебе, что ты ничего не стоишь. Ты уходишь, а они остаются пить чай и обсуждать твою слабость. Разве это справедливо?

— Тебе легко говорить, — Ульяна почувствовала, как к горлу подступил ком. — Ты не знаешь, каково это — быть пустым местом.

— Пустых мест не бывает, — он повернул к ней голову. Его взгляд был тяжелым, но в нем не было жалости — только какая-то древняя мудрость. — Есть только те, кто еще не нашел свою форму. У каждого человека есть талант. Если ты его не видишь, значит, ты просто смотришь в другую сторону. Слезь. Дай себе шанс хотя бы из чистого любопытства — что будет завтра?

Он протянул ей руку. В этот момент Ульяне показалось, что если она коснется его, то какая-то часть его невероятной силы перейдет к ней. Шум ветра внезапно стих. Головокружение отступило.

Она медленно, дрожа всем телом, опустила одну ногу на твердую поверхность крыши, затем вторую. Как только подошвы коснулись бетона, силы окончательно покинули её, и она осела на пол, закрыв лицо руками.

— Вот и молодец, — тихо сказал он. — А теперь иди домой. Там, возможно, штормит, но ты только что пережила ураган здесь, наверху.

Ульяна сидела, не поднимая глаз, слушая, как бешено колотится её пульс. Когда она наконец нашла в себе силы поднять голову, чтобы спросить, как его зовут, на крыше уже никого не было. Только тяжелая металлическая дверь тихо скрипела на петлях.

Путь домой казался бесконечным. Ульяна шла по знакомым дворам, чувствуя себя призраком. Она всё ещё ощущала на себе тот спокойный взгляд незнакомца, и это было единственным, что удерживало её от нового срыва.

Но едва она повернула ключ в замке и переступила порог квартиры, магия спокойствия рассыпалась в прах. Из кухни доносились звон посуды и тяжелые, раздраженные голоса.

— О, явилась! — мать вышла в коридор, даже не взглянув на бледное лицо дочери. — Где тебя носило? Опять шлялась где-то, пока мы тут решаем, что делать с твоим будущим?

— Мам, я просто гуляла... — тихо ответила Ульяна, снимая куртку дрожащими руками.

— Гуляла она! — из комнаты вышел отец, массивный и хмурый. — Посмотрите на неё! Девятнадцать лет, ни работы нормальной, ни талантов, ни амбиций. Другие дети в твоём возрасте олимпиады выигрывают, карьеру строят, а ты?

— Я стараюсь, папа... — голос Ульяны сорвался на шепот.

— Стараешься? — мать всплеснула руками, её голос сорвался на крик. — Ты даже посуду за собой помыть не можешь без напоминания! Бездарная, абсолютно бесполезная дочь. Мы вкладывали в тебя всё: репетиторов, кружки, надежды... А получили что? Тихую тень, которая только и умеет, что прожигать нашу жизнь!

— Ты — наше главное разочарование, Ульяна, — добавил отец, и это было большее, чем если бы он её ударил. — Иногда мне кажется, что в тебе нет ни капли нашей крови. Ты просто бездарность. Иди в свою комнату и не выходи, пока не придумаешь, как исправить свою никчемную жизнь.

Ульяна не ответила. Она прошла мимо них, чувствуя, как внутри всё выгорает до пепла. Захлопнув дверь своей комнаты, она сползла по стене, кусая губы, чтобы не закричать. Слова родителей ядовитыми змеями извивались в голове: «бездарная», «разочарование».

Она посмотрела на свои руки. Те самые руки, которые только что едва не отпустили край парашюта. И вдруг вспомнила тепло того парня на крыше.

«Ты просто ещё не нашла свою форму», — прозвучало в памяти.

Ульяна вытерла слезы и уставилась в темноту окна. Она ещё не знала, кто он такой, и встретятся ли они снова. Но сейчас, в этой удушливой атмосфере ненавистного дома, только образ того незнакомца не давал ей окончательно сдаться.

Глава 2

На следующей день университет встретил Ульяну привычным гулом, запахом дешевого кофе из автомата и натертого мастикой линолеума. Факультет юриспруденции всегда казался ей местом холодным и строгим, где каждый сантиметр пространства напоминал о правилах, которых она не умела придерживаться, и законах, которые не защищали её от собственной семьи.

После вчерашней ссоры с родителями лицо Ульяны казалось бледнее обычного, а под глазами залегли едва заметные тени. Она шла по коридору, глядя себе под ноги, но даже сквозь пелену собственных мыслей заметила странное оживление. Студенты сбивались в кучки, возбужденно перешептывались, а девушки из параллельных групп суетливо поправляли макияж, глядя в экраны телефонов.

— Ульяна! Ну ты где пропала? — из толпы вынырнула Маша, её единственная близкая подруга. Маша была полной противоположностью Ульяны: яркая, шумная, знающая все сплетни университета еще до того, как они случались.

— Привет, Маш. А что происходит? Почему все такие... дерганые? — Ульяна попыталась улыбнуться, но вышло вымученно.

Маша замерла, округлив глаза так, будто Ульяна только что призналась, что не знает, как выглядит солнце.

— Ты серьезно? Разве ты не читала объявление на кафедре? Сегодня же лекцию у нас читает он. Самый завидный холостяк и самый жестокий в юриспруденции.

— Кто «он»? — Ульяна равнодушно пожала плечами, поправляя лямку тяжелого рюкзака.

— Максим Александрович Бойков! — Маша произнесла это имя с придыханием, почти по слогам. — Ульяна, проснись! У него своя юридическая империя. Его компания ведет дела, о которых пишут в Forbes. Он не просто адвокат, он легенда. Говорят, он берет только те дела, которые все остальные считают безнадежными. И сегодня он здесь, в нашем пыльном универе, чтобы «вдохновить молодое поколение».

— Понятно, — коротко бросила Ульяна. — Очередной богатый парень, которому скучно в своем офисе.

Ей было всё равно. Мысли о словах отца о её «никчемности» занимали гораздо больше места в голове, чем какой-то заезжий миллионер.

Они зашли в большую поточную аудиторию. Мест почти не было — даже те, кто обычно прогуливал, сегодня сидели на ступенях. Маша, проявив чудеса наглости, протасила Ульяну на первую парту.

— Сядем здесь, — прошептала она. — Хочу рассмотреть его костюм. Говорят, он шьет их только в Милане.

Ульяна нехотя опустилась на стул, достала тетрадь и уставилась в окно. Небо сегодня было таким же серым, как вчера на той крыше. В памяти всплыл силуэт незнакомца в темном пальто. Интересно, кто он? Врач? Психолог? Или просто случайный прохожий, которому стало её жаль?

Внезапно в аудитории наступила абсолютная, звенящая тишина. Дверь за кафедрой открылась.

Ульяна не поднимала головы, чертя в углу тетради бессмысленные круги. Она услышала уверенные шаги — четкий ритм дорогих туфель по паркету.

— Добрый день, коллеги, — раздался голос.

Ульяна замерла. Ручка выпала из её пальцев, оставив на бумаге жирную кляксу. Этот голос... Глубокий, спокойный, с легкой хрипотцой. Он не принадлежал душным залам университета. Он принадлежал холодному ветру, высоте шестнадцатого этажа и ночному небу.

Она медленно подняла голову.

За кафедрой стоял он. Максим Александрович. Тот самый «богатый парень», о котором кричала Маша. На нем был идеально скроенный темно-синий костюм, белоснежная рубашка без галстука, а на запястье поблескивали часы, стоимость которых могла бы оплатить все её годы обучения. Его волосы были аккуратно уложены, но в глазах светилась та же пронзительная, пугающая мудрость, которую она видела вчера.

Мир вокруг Ульяны перестал существовать. Стены аудитории раздвинулись, превращаясь в края крыши. Она снова почувствовала тот озноб и тепло его руки, протянутой над бездной.

Максим начал лекцию. Он говорил о праве, о морали, о том, что закон — это лишь каркас, а жизнь в него вдыхает человек. Его речь была безупречной, но Ульяна не слышала ни слова о юриспруденции. Она смотрела на его губы и видела, как они шептали вчера: «Ты просто отдаешь им победу».

«Это не может быть он. Таких совпадений не бывает», — твердила она себе, но сердце стучало так сильно, что заглушало его голос. Она провалилась в свои мысли, вспоминая каждое мгновение их встречи. Был ли он там случайно? Или он — плод её воображения?

— ... и именно поэтому субъективное право не может существовать без ответственности, — Максим Александрович на секунду прервался и обвел аудиторию взглядом. — Согласны со мной, студентка?

Ульяна не шевельнулась. Она смотрела сквозь него, погруженная в воспоминания о том, как он стоял в паре метров от неё, облокотившись на парапет.

— Студентка Белова! — громко и раздраженно произнес профессор, сидевший сбоку. — Вы вообще здесь? К вам обращается гость!

Ульяна вздрогнула, словно от удара током. Реальность ворвалась в её сознание холодным душем. Маша сбоку испуганно толкнула её локтем в бок.

Максим Александрович медленно повернул голову к первой парте. Его взгляд встретился со взглядом Ульяны. На мгновение его брови едва заметно дрогнули, а в глазах вспыхнуло узнавание — молниеносное, яркое, как искра. Он замолчал на долю секунды, которая показалась Ульяне вечностью. Но он не подал виду. Никакой лишней мимики, никакого удивления перед толпой.

— Похоже, лекция навевает на вашу коллегу слишком глубокие раздумья, — спокойно произнес Максим, продолжая смотреть ей прямо в душу. — Или же она всё еще ищет «свою форму».

Последние слова он произнес чуть тише, и Ульяна поняла: он всё помнит. Он узнал её.

В аудитории кто-то хихикнул. Максим Александрович тут же перевел взгляд на другого студента, продолжая лекцию как ни в чем не бывало, но Ульяна больше не могла там оставаться. Стены начали давить на неё, воздух стал слишком густым. Ей казалось, что все вокруг знают её постыдный секрет, знают, где она была вчера вечером.

Как только Максим закончил фразу и отвернулся к доске, чтобы что-то записать, Ульяна, не дожидаясь конца лекции, дрожащими руками сгребла вещи в рюкзак.

— Эй, ты куда? — прошептала Маша, пытаясь её удержать.

Ульяна не ответила. Она вскочила с места, едва не опрокинув стул. Стук её сердца отдавался в висках. Она чувствовала на своей спине его взгляд — она была уверена, что он смотрит, даже не поворачивая головы.

Она вылетела из аудитории, промчалась по длинному коридору, толкнула тяжелые дубовые двери университета и практически вывалилась на улицу. Холодный воздух обжег легкие, но ей всё ещё было душно. Она бежала, пока не оказалась на площади перед фонтаном, и только там остановилась, судорожно хватая ртом воздух.

Он здесь. Человек, который видел её в самый слабый момент её жизни, теперь стоял за кафедрой её университета. И самое страшное было в том, что он больше не был просто «прохожим». Он был тем, кем она мечтала — и одновременно боялась — стать.

Холодный ветер на улице немного привел Ульяну в чувство, но мысли в голове продолжали терзать её. Она сидела на парапете неработающего фонтана, обхватив себя руками.

«Это не может быть просто совпадением, — стучало в висках. — Город огромный. Тысячи юристов, сотни компаний. Почему именно он? Почему именно сегодня?»

Она вспомнила его взгляд в аудитории. В нем не было насмешки, скорее — странное, почти научное любопытство. Он смотрел на неё не как на студентку, а как на некую задачу, которую ему во что бы то ни стало нужно решить.

Внезапно Ульяну обдало ледяным потом. Она резко выпрямилась, и её сердце пропустило удар.

— Блокнот... — выдохнула она в пустоту.

В спешке, когда она буквально вылетала из аудитории, на парте остался её старый, потрепанный дневник в черной обложке. Это не была тетрадь для лекций. Это было нечто гораздо более опасное. Там, на страницах, перемешавшееся со стихами и случайными набросками, была излита вся её боль. Подробные описания того, как крики родителей превращают её жизнь в руины. Мысли о том, что прыжок с крыши — это не конец, а единственное логичное продолжение. Каждое слово там было уликой против её собственной души.

«Если кто-то это прочитает... Если это попадет в руки декана или, не дай бог, родителей...»

Ульяна сорвалась с места. Она бежала обратно к главному корпусу, не замечая прохожих, которые удивленно оборачивались ей вслед. Лестницы, коридоры, бесконечные пролеты — всё слилось в одну серую полосу.

Она ворвалась на этаж. Гул в коридорах стих — занятия закончились, и здание медленно погружалось в вечернюю тишину. Ульяна подбежала к дверям 402-й аудитории и замерла, пытаясь выровнять дыхание. Дрожащей рукой она толкнула тяжелую дубовую дверь.

В аудитории было пусто. Сумеречный свет падал на пустые ряды парт, рисуя длинные, уродливые тени. Ульяна бросила взгляд на свою первую парту, надеясь увидеть там заветную черную обложку.

Но парты были чисты.

— Ищешь это? — раздался спокойный голос из глубины зала.

Ульяна вздрогнула и обернулась. Максим Александрович не ушел. Он сидел прямо на преподавательском столе. Его дорогой пиджак висел на спинке стула, а рукава белоснежной рубашки были слегка закатаны. В руках он держал её блокнот.

Он медленно перелистывал страницы, и шорох бумаги в абсолютной тишине казался громче пушечного выстрела.

— Отдай! — выкрикнула Ульяна, бросаясь к нему. Она не думала о субординации, о том, кто он такой. В этот момент он был врагом, укравшим её самую страшную тайну.

Она подлетела к нему и резким движением выхватила блокнот из его рук. Максим даже не сопротивлялся. Он просто разжал пальцы, позволяя ей забрать добычу. Ульяна прижала дневник к груди, чувствуя, как бумага еще хранит тепло его рук. Она быстро пролистала страницы — он не дошел до середины. Он остановился как раз там, где начинались самые темные признания о причинах её ссор с родителями и о том, что именно толкнуло её на край крыши. Самое сокровенное всё еще оставалось запечатанным внутри.

Максим слегка наклонил голову, изучая её лицо. На его губах играла едва заметная, почти призрачная улыбка. — Ты так заперевживала из-за того, что я его прочитал?

Ульяна молчала, чувствуя, как краска стыда заливает шею. Её трясло.

— Вы не имели права, — наконец выдавила она. — Это личное.

— В юриспруденции, Ульяна, нет понятия «личное», когда доказательства лежат на столе в общественном месте, — он спрыгнул со стола, и теперь он стоял совсем рядом. Он был намного выше, и от него пахло морозным воздухом и дорогим табаком. — Но я не юрист сейчас. Я просто человек, который вчера спас тебе жизнь. И мне стало любопытно, почему такая способная девушка пишет о себе как о «пустом месте».

— Вы ничего обо мне не знаете, — прошипела она, делая шаг назад.

— Я знаю достаточно. У тебя хороший слог. И очень много гнева внутри. Гнев — это хорошее топливо, если знать, куда его направлять.

Ульяна больше не могла выносить этого разговора. Ей казалось, что он видит её насквозь, до самых костей, сдирая все защитные слои, которые она так старательно наращивала годами.

— До свидания, Максим Александрович, — официально и холодно сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Спасибо за лекцию. И за... вчерашнее. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Она развернулась и почти бегом направилась к выходу.

— Город теснее, чем кажется, Ульяна! — донеслось ей в спину.

Выскочив на улицу, она не остановилась. Она шла быстро, почти не разбирая дороги. Сердце колотилось в каком-то безумном ритме. «Надеюсь, мы не встретимся», — повторила она про себя. Но ложь была слишком очевидной.

Внутри неё, где раньше была только серая пустота, теперь разгоралось что-то новое. Странное, пугающее чувство. Она ненавидела его за то, что он видел её слабость. Ненавидела

за его самоуверенность и богатство. Но в то же время... её тянуло к нему, как мотылька к ледяному, но яркому пламени.

Она пыталась перебороть себя, убеждая, что это просто шок от встречи. Но где-то глубоко в душе она уже знала: этот человек стал её главной зависимостью. И, возможно, именно это пугало её больше, чем край той самой крыши.

Ульяна сжала блокнот крепче. Она еще не влюбилась — она не хотела себе в этом признаваться.

Глава 3

Новый день пришел с серой, унылой неизбежностью. Ульяна проснулась с отчетливым ощущением, что вчерашнее событие в аудитории было не сном, а реальностью, которая теперь прочно вплелась в её жизнь. Университет встретил её той же суетой, но для Ульяны всё стало иначе. Каждый взгляд казался подозрительным, каждый шепот — направленным на неё.

— Ульяна! Ты где была вчера?! — Маша настигла её у дверей аудитории, её глаза горели любопытством. — Ты просто испарилась! Я вся извелась! Что там было? Он что-то сказал тебе? Ты так странно смотрела на него!

Ульяна попыталась отмахнуться. «Просто ушла», — сказала она, стараясь придать голосу безразличие. Но Машины вопросы, как острые иголки, царапали её по нервам. Она не могла говорить о дневнике, о Максиме, о том, как он смотрел на неё. Это было слишком личным, слишком болезненным.

— У меня голова разболелась, — выдавила Ульяна, — просто... неважно себя чувствовала.

Маша, конечно, не поверила, но, к счастью, была слишком увлечена собственной новостью, чтобы настаивать.

— Ты не представляешь! — её лицо расплылось в счастливой улыбке. — Я вчера вечером написала Максиму Александровичу. Ну, через кафедру, через секретаря, сказала, что якобы хочу устроиться к ним на работу. А он мне ответил! Представляешь? Мы переписывались почти всю ночь! Он такой умный, такой проницательный! Мы говорили о тонкостях процессуального права, о новых поправках... Он даже предложил мне встретиться, чтобы обсудить мою идею по одному делу!

Ульяна слушала, и в груди поднималось странное, неприятное чувство. Радость Маши казалась ей чужой, неуместной. Её подруга, такая живая и открытая, легко шагнула в мир, который для Ульяны теперь стал полон опасностей и сомнений.

— Это... здорово, Маш, — с трудом произнесла Ульяна, пытаясь улыбнуться. — Поздравляю.

— Ты чего такая бледная? — Маша обеспокоенно склонила голову. — Тебе правда нездоровится?

— Нет, всё в порядке, — Ульяна отвернулась, чувствуя, как в горле снова пересохло.

Она села на своё обычное место, стараясь не думать о том, что Максим Александрович, тот самый человек, который вчера видел её на грани, теперь ведет душевные беседы с её подружкой. Он ответил Маше.

«Может, он ответил ей потому, что Маша — другая? — промелькнула мысль. — Она яркая, амбициозная, уверенная в себе. Она не та, кто сидит на крыше, прячась от мира. Может, мои слова о надежде, что мы больше не встретимся, были услышаны именно так, как я и хотела — как окончательное прощание».

По мере того, как Маша взалхлеб рассказывала о предстоящей встрече с «мастером права», Ульяна всё глубже погружалась в себя. Она чувствовала себя обманутой — не Максимом, а самой собой. Этот крошечный проблеск надежды, который зажегся в ней вчера вечером, когда она шла домой, теперь медленно угасал.

Может быть, он и впрямь заметил её в тот момент на крыше, но увидел в ней лишь очередную «неправильную форму», которую нужно исправить. А теперь, когда есть Маша — яркая, успешная — зачем ему вспоминать о той, кто еще не нашел себя?

Ульяна пыталась сосредоточиться на лекции, но слова преподавателя казались далекими и бессмысленными. Она то и дело ловила себя на том, что смотрит на Машу, на её сияющее лицо, и ей становилось невыносимо грустно. Грустно оттого, что она так и не смогла открыться. Грустно оттого, что, возможно, навсегда упустила свой единственный шанс.

Она не понимала. Если он ответил ей, значит ли это, что её слова о надежде были услышаны, и он не будет пытаться её найти? Или он просто вежлив, и её «надежда» была лишь очередным поводом для разговора с Машей?

Ульяна чувствовала себя потерянной. Вчера она стояла на краю пропасти, и её спас голос. Сегодня она была на краю новой пропасти — пропасти неопределенности, где эхо его слов смешивалось с молчанием её собственного страха.

Глава 4

Полгода пролетели как в тумане, сотканном из бесконечных кодексов, бессонных ночей и холодного молчания дома. Весна уже вовсю хозяйничала в городе, но для Ульяны она не принесла тепла. Ссоры родителей стали обыденностью, фоновым шумом, от которого она спасалась, исписывая страницу за страницей в своем черном блокноте. Свободного места в нем почти не осталось — как и места в её душе для новых обид.

Отношения Маши и Максима стали для Ульяны отдельной темой для раздумий. Маша то и дело подбегала к ней, сияя, и показывала экран телефона. Но Ульяна видела там лишь ледяную вежливость. Максим отвечал кратко, по существу, присылая ссылки на нужные статьи закона или сухие комментарии к делам. Они гуляли лишь однажды — и то, по словам Маши, Максим больше слушал, чем говорил, глядя куда-то вдаль своим тяжелым, пронизательным взглядом.

— Он просто такой человек! — восклицала Маша, когда Ульяна пыталась намекнуть, что холодность — это не всегда признак скрытой страсти. — Он серьезный, он проверяет меня! Максим Александрович не разменивается на пустые слова.

Ульяна лишь вздыхала. Сама она не видела его с того самого вечера в аудитории. Полгода тишины. Полгода попыток убедить себя, что тот момент на крыше и та искра в пустом классе ей просто причудились.

— Представляешь, уже через два дня защита! — Маша кружилась по комнате, выбирая между строгим синим платьем и классическим брючным костюмом. — Мы будем настоящими юристами, Уля! Свобода!

Два дня спустя Ульяна стояла в душном коридоре университета. Воздух казался густым от запаха парфюма и валерьянки. Она была последней в очереди. Фамилии студентов звучали одна за другой, двери кабинета открывались и закрывались, выпуская то плачущих от облегчения, то ликующих выпускников.

— Белова, на выход! То есть на вход! — крикнул лаборант.

Ульяна сделала глубокий вдох, сжала в руке папку с дипломом и вошла. В аудитории было прохладно. За длинным столом сидели профессора, которых она знала годами. Но в самом центре, на месте приглашенного эксперта, сидел он.

Максим Александрович Бойков.

Ульяна на секунду замерла в дверях, и ей показалось, что пол уходит из-под ног, превращаясь в край той самой шестнадцатого этажа. Он выглядел безупречно: серый костюм-тройка, холодный блеск запонок и этот взгляд — прямой, изучающий, прошивающий насквозь.

«Это сон. Пожалуйста, пусть это будет просто плохой сон», — заклинала она себя. Но Максим слегка кивнул ей, и этот жест был слишком реальным.

Взяв себя в руки, Ульяна подошла к трибуне. Голос поначалу дрожал, но юридическая логика, вбитая в голову месяцами зубрежки, взяла верх. Она защищалась уверенно, четко отвечая на вопросы комиссии о гражданских правах и обязанностях. Профессора удовлетворенно кивали. И только Максим молчал. Он не смотрел в её работу. Он смотрел ей в глаза, словно пытался заглянуть за ширму её официального тона, прямо в ту черную бездну, которую он когда-то увидел.

Когда вопросы у комиссии иссякли, Максим Александрович медленно подался вперед. В аудитории стало тихо, как в склепе.

— У меня есть один вопрос к выпускнице, — произнес он, и Ульяна почувствовала, как по спине пробежал ток. — Скажите, коллега Белова, если субъект права добровольно отказывается от своей правовой «формы», считая её безнадежно разрушенной внешними обстоятельствами, имеет ли он право на принудительное восстановление статуса? Или есть черта — назовем её «краем парашюта», — за которой возврат к прежней юридической и личной целостности становится невозможным по закону совести?

Члены комиссии переглянулись — вопрос звучал слишком философски для защиты диплома, но в нем была железная юридическая логика. Ульяна же поняла каждое слово. Он спрашивал не о законах страны. Он спрашивал, верит ли она сама в то, что её жизнь можно починить.

Ульяна смотрела на него, не моргая. Маша в углу аудитории прижала ладони к щекам, потрясенная глубиной вопроса.

— Я считаю, — голос Ульяны окреп, — что пока субъект способен осознавать факт утраты своей формы, он не потерян для системы. «Край» — это не юридический термин, это иллюзия. По закону, даже после самого тяжелого падения возможна реституция — восстановление в прежних правах. Главное, чтобы нашелся тот, кто напомним субъекту о его праве на существование.

Максим Александрович едва заметно улыбнулся. Это была не улыбка радости, а улыбка признания.

— Благодарю. У меня нет больше вопросов.

Через пятнадцать минут Ульяна вышла из аудитории. В зачетке стояла «пятерка», подписанная в том числе и его рукой. Она прислонилась к прохладной стене, чувствуя, как дрожат колени.

— Уля! Это было нереально! — к ней подскочила Маша, уже защитившаяся ранее. — Ты видела, как он на тебя смотрел? Он тебя чуть не съел этим вопросом!

— Маша, ты знала, что он будет здесь? Почему ты не предупредила?

Маша замялась, опуская глаза.

— Он... он попросил меня не говорить тебе. Мы переписывались вчера, и он сказал, что его присутствие должно быть сюрпризом для всех. Сказал, что хочет увидеть «чистую реакцию» будущих специалистов.

Ульяна замерла. Он попросил скрыть это от неё. Зачем? Чтобы посмотреть на её испуг? Или наоборот — чтобы она не провела две ночи в панике, зная, что ей придется стоять перед ним? Он оберегал её или ставил над ней эксперимент?

В этот момент дверь аудитории открылась, и комиссия начала выходить. Максим шел последним. Он на ходу застегивал пуговицу пиджака, не глядя по сторонам. Но, поровнявшись с Ульяной, он на секунду замедлил шаг.

— Хорошая защита, Белова, — негромко сказал он, так, чтобы слышала только она. — Форма восстанавливается. Не подведи своего адвоката.

И, не дожидаясь ответа, он зашагал к выходу, оставляя Ульяну в полном замешательстве под ревнивым и удивленным взглядом Маши.

Глава 5

Зал ресторана, где проходил выпускной бал, сиял золотом и хрусталем. Громкая музыка, смех и звон бокалов должны были создавать атмосферу триумфа, но Ульяна чувствовала себя лишней на этом празднике жизни. Она выбрала простое темно-изумрудное платье в пол — без лишних блесков, строгое и элегантное, словно броня, защищающая её от внешнего мира.

— Сегодня всё решится, Уля! — Маша, сияющая в алом платье с открытыми плечами, то и дело поправляла макияж перед зеркалом. — Я чувствую, что он придет. Он обещал декану

быть на официальной части. Я сегодня скажу ему всё. Больше никаких недомолвок и формальных переписок!

Ульяна посмотрела на подругу, и её сердце сжалось от жалости и вины. Она видела, как Маша буквально светится надеждой, не замечая того, что было очевидно для самой Ульяны: лед в глазах Максима предназначался не Маше. Он вообще никого не видел в той аудитории, кроме девушки, знавшей вкус ветра на шестнадцатом этаже.

— Маш, может, не стоит? — тихо спросила Ульяна. — Ты же сама видела, он... он сложный человек.

— Сложный — не значит бесчувственный! — отрезала Маша, подкрашивая губы. — Он просто ждет первого шага. И я его сделаю.

Когда в дверях зала появился Максим, разговоры на мгновение стихли. Он не надел смокинг — остался в привычном безупречном костюме, но расстегнутая верхняя пуговица рубашки придавала ему вид человека, который устал от правил и пришел сюда по своей воле. Его присутствие мгновенно перетянуло на себя всё внимание. Профессора поспешили поздороваться, девушки зашептались, а Маша, сделав глубокий вдох, решительно направилась к нему.

Ульяна не могла на это смотреть. Она отвернулась к окну, сжимая в руке бокал с минеральной водой. В отражении стекла она видела, как Маша подошла к нему, как заговорила, активно жестикулируя. Максим слушал её вежливо, слегка склонив голову, но его взгляд блуждал по залу. Он кого-то искал.

Через пять минут Маша вернулась. Она не плакала, но её лицо стало мертвенно-бледным, а огонь в глазах погас, оставив лишь пепел.

Маша вернулась бледная, как мрамор. Её алое платье, которое еще полчаса назад казалось символом триумфа, теперь выглядело как рана. Она ничего не сказала, только судорожно сжала руку Ульяны. Её пальцы были ледяными.

— Он выставил меня дурой, Уля, — прошептала Маша, глядя в пустоту. — Сказал, что я «перспективный кадр», но как женщина я его не интересую. Он сделал это так... официально. Будто зачитал судебный приговор.

Маша не плакала — в ней было слишком много гордости для этого, но Ульяна видела, как внутри подруги что-то надломилось. Маша резко развернулась и пошла к выходу, бросив на ходу, что хочет побыть одна.

Ульяна сделала шаг, чтобы догнать подругу, но чья-то сильная рука мягко, но властно перехватила её за локоть. Знакомый аромат морозного воздуха и дорогого парфюма окутал её раньше, чем она успела обернуться.

— Оставь её, — негромко сказал Максим. — Ей нужно принять это поражение сейчас, чтобы не тратить годы на иллюзии. В праве это называется «признанием ничтожности сделки».

Ульяна резко обернулась, вырывая руку. Её глаза горели гневом.

— Вы жестоки. Она — моя единственная подруга! Вы не имели права так с ней поступать на глазах у всех!

— Я был честен, — Максим смотрел на неё сверху вниз, и в полумраке зала его глаза казались почти черными. — Ложная надежда — это медленный яд. Я предпочитаю хирургию.

Он кивнул в сторону открытой террасы, где было тихо и темно.

— Пойдем. Нам нужно поговорить без свидетелей.

— Я никуда с вами не пойду, — упрямо ответила Ульяна, хотя всё её тело предательски тянулось к нему.

— Пойдешь, — спокойно констатировал он. — Потому что у меня твой блокнот. Тот самый, новый. Ты выронила его сегодня в университете после защиты, когда бежала к выходу. Видимо, у тебя привычка оставлять мне свои самые сокровенные мысли.

Ульяна похолодела. Она судорожно прижала руки к сумочке — блокнота там не было. Она снова проиграла ему в этой шахматной партии.

Они вышли на террасу. Шум музыки стал приглушенным. Ночной город лежал у их ног, переливаясь огнями. Максим облокотился на перила — точь-в-точь как на той крыше полгода назад.

— Ты задолжала мне танец, Белова, — негромко произнес он. Его голос, тот самый, что спас её на крыше, теперь вызывал в ней лишь глухую ярость. — Еще с той ночи. Помнишь?

— Вы уничтожили мою подругу, — Ульяна наконец посмотрела ему в лицо. — Вы использовали её, чтобы подобраться ко мне, а потом выбросили за ненадобностью. Вы — чудовище, Максим Александрович.

— Я был честен, — он даже не дрогнул. — Ложь — это слабость. Я не даю пустых надежд. Пойдем. Один танец, и я отдам тебе блокнот.

Ульяна поняла, что он не отступит. Она медленно вложила свою руку в его ладонь, но это не было жестом согласия. Это был жест вызова.

Когда началась медленная музыка, он привлек её к себе. Ульяна замерла в его руках, превратившись в статую. Она не прижималась к нему, не чувствовала ритма. Она была хладнокровна и неподвижна, словно танцевала с призраком.

— Ты дрожишь, — заметил Максим, слегка наклонившись к её уху.

— Это от отвращения, — ответила она, глядя куда-то поверх его плеча. — Вы думаете, что можете купить или подчинить себе всё. Вы построили свою империю на логике, но в ней нет места людям. Вы спасли меня на той крыше только для того, чтобы запереть в другой клетке?

— Я спас тебя, потому что увидел в тебе равную, — его голос стал жестче. — Я ждал, когда ты повзрослеешь. Я хотел, чтобы ты была рядом со мной, когда начнешь строить свою карьеру.

— Рядом с вами? — Ульяна горько усмехнулась. — Чтобы вы каждый день напоминали мне, какой жалкой я была? Чтобы я видела, как вы ломаете жизни таким, как Маша? Нет.

Танец подходил к концу. Максим медленно разжал руки и достал из кармана пиджака её черный блокнот. Он протянул его ей, но Ульяна не поспешила его забирать. Она смотрела на него так, будто видела впервые.

— Оставьте его себе, — тихо сказала она. — Там всё равно больше не осталось пустых страниц. И моей боли там тоже больше нет. Вы хотели увидеть мою форму? Смотрите.

Она выпрямилась, и в её глазах вспыхнул огонь, которого он раньше не видел. Это была не та сломленная девочка с края крыши. Это была женщина, которая только что приняла решение.

— Это наша последняя встреча, Максим Александрович, — четко произнесла она. — Завтра я уезжаю из этого города. Навсегда.

Максим нахмурился, его уверенность на мгновение пошатнулась.

— Ты совершаешь ошибку. Здесь твои перспективы, здесь...

— Здесь — вы, — перебила она его. — И это единственная причина, по которой я уезжаю. Я рада, что мы больше не увидимся. Вы были правы тогда на защите: форма восстанавливается. Но моя новая форма в вашу систему не вписывается.

Ульяна развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Она чувствовала на своей спине его тяжелый, ошеломленный взгляд. Она знала, что он привык побеждать, привык, что все дороги ведут к нему. Но сегодня он проиграл.

Выйдя на свежий ночной воздух, Ульяна почувствовала странную легкость. Она потеряла подругу, потеряла блестящую карьеру и человека, который заставлял её сердце биться чаще. Но впервые в жизни она нашла саму себя.

— Прощайте, Максим Александрович, — прошептала она в пустоту ночного города. — И спасибо, что научили меня бороться. Даже против вас самих.

Глава 6

Аэропорт в три часа ночи напоминал декорации к фильму о конце света. Огромные пустые залы, эхо собственных шагов и холодный свет люминесцентных ламп. Ульяна сидела в самом дальнем углу зала ожидания, прижав к себе рюкзак. Рядом стоял чемодан — всё, что осталось от её прошлой жизни.

Она ушла тихо. Пока родители спали тяжелым, беспокойным сном после вчерашнего торжества, она собрала вещи. На кухонном столе осталась короткая записка: «Мне пора начать свою жизнь. Ульяна». Никаких обвинений, никакой боли — только сухая констатация факта.

До вылета оставалось двенадцать часов. Слишком много времени для раздумий, но Ульяна боялась оставаться в городе даже лишнюю минуту. Ей казалось, что если она задержится, город снова схватит её за плечи и потащит к тому самому парапету.

Она смотрела в панорамное окно на взлетную полосу. Где-то там, в темноте, готовились к полету огромные стальные птицы, готовые унести её в другую жизнь, где никто не знает её имени.

Этой же ночью в главном офисе компании «Бойков и партнеры» сработала бесшумная сигнализация. Но когда охрана прибыла на место, взломщик уже исчез. Всё выглядело как обычное ограбление, если бы не одна деталь: из сейфа Максима пропали не деньги, а оригиналы документов по делу всей его жизни — секретные материалы, которые могли уничтожить репутацию крупнейших чиновников города.

На рабочем столе Максима, прямо поверх разбросанных бумаг, лежал сорванный кулон — изящная серебряная капелька на тонкой цепочке. Максим, прибывший в офис через пят-

надцать минут после вызова, замер, увидев это украшение. Он знал этот кулон. Он видел его на шее Ульяны сегодня во время танца.

— Вызывайте полицию, — приказал его помощник.

— Нет, — отрезал Максим, сжимая кулон в кулаке так сильно, что цепочка впилась в кожу. — Это дело я буду вести сам. Никто не должен знать о пропаже этих бумаг. Выясните, где сейчас Белова. Срочно.

Он не верил, что это сделала она. Но кто-то очень умело подставил её, зная о их связи.

Утро в аэропорту началось с суеты. Пассажиры прибывали, объявляли рейсы. Ульяна, не сомкнувшая глаз, чувствовала себя выжатой. До регистрации оставалось четыре часа. Она уже представляла, как пройдет контроль, как сядет в кресло самолета и выключит телефон...

Внезапно телефон в её руке завибрировал. На экране высветилось: «Мама».

Ульяна хотела сбросить звонок. Она обещала себе не оборачиваться. Но что-то в ритме этой вибрации заставило её нажать на кнопку ответа.

— Алло?

— Ульяна! Господи, Ульяна, ты где?! — из трубки раздался истошный, захлебывающийся крик матери. Такой паники она не слышала никогда. — Приезжай... Умоляю, вернись! Полиция... Обыск... Они забирают отца! Говорят, он украл какие-то секретные бумаги у Бойкова! Всё кончено, Уля! Нас погубят!

Голос матери сорвался на рыдания, на заднем плане слышался грохот сдвигаемой мебели и строгие мужские голоса.

— Что?! Мама, подожди, какой обыск? Отец не мог...

— Они говорят, что нашли доказательства! Что ты замешана! Бойков лично подписал ордер на проверку нашего дома! Уля, если ты не приедешь, они его посадят сегодня же!

Телефон выпал из рук Ульяны на грязный кафельный пол. Мир вокруг поплыл. Она посмотрела на табло рейсов. Её самолет улетал через несколько часов. Свобода была так близко — достаточно просто развернуться и уйти к самолёту.

Но образ отца, которого уводят в наручниках из-за преступления, которого он не совершал, и имя Максима, стоящее за этим кошмаром, перечеркнули всё.

«Он решил отомстить мне так? — пронеслось в голове. — Решил сломать мою семью, потому что я ушла?»

Ульяна схватила чемодан. Она не пошла к стойке регистрации. Она бросилась к выходу из аэропорта, лихорадочно пытаясь вызвать такси. Она возвращалась. Не потому, что любила этот дом, а потому, что не могла позволить Максиму Бойкову выиграть эту партию.

Глава 7

Такси затормозило у подъезда так резко, что Ульяна чуть не влетела в лобовое стекло. Она выскочила из машины, бросив чемодан прямо на тротуаре, и бросилась к дверям. У подъезда стояли две патрульные машины, их синие маячки ритмично разрезали утренние сумерки, окрашивая стены дома в тревожный цвет.

В квартире стоял хаос. Вещи из шкафов были выброшены на пол, книги сорваны с полок, а на кухне, сгорбившись, сидел отец. Его руки были скованы наручниками. Мать рыдала в углу, закрыв лицо фартуком.

В центре этого разгрома, как холодное изваяние, стоял Максим. Он был в том же костюме, что и на балу, но теперь его вид не вызывал восхищения — только ледяной ужас.

— Ульяна! — взвизгнула мать, увидев дочь. — Скажи им! Скажи, что мы ничего не брали!

Ульяна проигнорировала мать. Она быстрыми шагами подошла к Максиму и встала вплотную, глядя ему прямо в глаза. От него пахло дорогим кофе и металлом.

— Довольны? — её голос дрожал от ярости. — Это ваша «реституция»? Ваше «восстановление формы»? Решили разрушить мою жизнь до основания, потому что я посмела сказать вам «нет»?

Максим даже не моргнул. Его взгляд был жестким, лишенным той искры тепла, которую она видела вчера во время танца.

— Я пришел сюда за своим имуществом, Ульяна, — сухо произнес он. — Из моего сейфа пропали документы государственной важности. И единственная подозреваемая это ты Ульяна

— Ложь! — выкрикнула Ульяна. — Вы сами всё это подстроили! Вы узнали, что я в аэропорту, верно? Узнали, что я улетаю, и решили, что не можете отпустить свою «игрушку» так просто. Вы подбросили эти улики, чтобы притащить меня обратно на поводке!

Максим внезапно сделал шаг к ней, сокращая дистанцию так, что она почувствовала жар его тела.

— Ты слишком высокого мнения о своей значимости, Белова, — тихо сказал он. — Я не стал бы рисковать репутацией фирмы ради того, чтобы остановить одну строптивую выпускницу. Ты решила отомстить мне. Я видел, как ты смотрела на меня, когда я отказал твоей подруге. Ты всегда была слишком предана Маше. Ты решила, что если я растоптал её чувства, то ты имеешь право растоптать моё дело? Это был твой «прощальный подарок»?

— О чем вы говорите? — Ульяна опешила. — При чем тут Маша? Я была в аэропорту всю ночь!

— Всю ночь? — Максим усмехнулся, и эта усмешка была страшнее крика. — Камеры зафиксировали машину, похожую на твою, у моего офиса в два двадцать ночи. А в три ты уже была в аэропорту. Идеальное алиби, если бы не одна деталь. Твой отец работал на компанию моих конкурентов десять лет назад. У него были связи. Вы работали вместе? Он давал наводку, а ты, пользуясь моим... доверием, зашла в кабинет?

Ульяна почувствовала, как по щеке ударила невидимая пощечина. Он действительно верил в это. Он верил, что она — воровка, использующая его чувства ради мести за подругу.

— Вы — сумасшедший, — прошептала она. — Вы настолько привыкли к предательству, что видите его даже там, где его нет. Я ненавидела вас за ваш эгоизм, но я никогда бы не опустилась до воровства. Вы сами вызвали полицию в мой дом! Вы подставили моего отца!

— Я не вызывал полицию, Ульяна. Сработала

автоматическая система безопасности, которая подала сигнал в прокуратуру, минуя меня, — Максим на мгновение отвел взгляд, и в его голосе проскользнула странная нотка. — Я приехал сюда раньше них, чтобы найти бумаги и замять дело. Но я нашел только это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.